

© 1990 г.

М. И. Васильев

О ПРИЧИНАХ НЕРАВНОМЕРНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКИХ БЫЛИН

(по материалам XIX — начала XX в.)

Поистине неисчерпаемый клад для исследований в самых различных научных дисциплинах представляют собой русские былины. На их основе были успешно решены многие поставленные жизнью вопросы в области изучения дожественного творчества, фольклора и истории¹. Более ста пятидесяти лет длится изучение этого огромного пласта в истории культуры русского народа, с каждым годом возникают все новые и новые вопросы. Наряду с ними продолжают существовать и старые, не решенные окончательно, проблемы. К их числу относится и вопрос о причинах неравномерного распространения былин в разных районах расселения русских в XIX — начале XX в.

В результате изучения фольклора русскими и советскими исследователями стало ясно, что былины в это время были распространены крайне неравномерно, существовали своеобразные былинные «очаги» или «гнезда». Наибольшее распространение они получили в Архангельской и Олонецкой губерниях, в южной части Заонежья, в Пудожском крае, на Кенозере, на побережье Белого моря, на Северной Двине и ее притоках (Пинеге, Мезени). На большую часть уездов этих губерний приходится по несколько десятков записей былин, а в Мезенском уезде их число достигает 170. За северными районами по богатству эпосом идут Западная и Южная Сибирь, где по числу записей выделяются Томская, Енисейская и Якутская губернии, давшие соответственно 29, 12 и 15 былин. В центальных и южных областях европейской части России, а также в средней и восточной частях Сибири былинная традиция оказалась значительно слабее. Несколько большей она оказалась в Поволжье (Нижегородская, Симбирская и Саратовская губернии), а также среди донских, терских и уральских казаков. Всего по одной былине было записано в Вологодской, Владимирской, Калужской, Орловской, Воронежской и Рязанской губерниях. Единичны записи в Московской, Новгородской, Петербургской, Пермской и Уфимской губерниях. В Астраханской, Казанской, Костромской, Курской, Пензенской, Псковской, Смоленской, Тамбовской, Тверской и Ярославской губерниях былин вообще не обнаружено².

Несмотря на кажущуюся на первый взгляд маловажность рассматриваемого вопроса (В. Ф. Миллер называет его «домашним»³), значение его трудно переоценить. Ответив на него, мы получаем ключ к разгадке не только существенных региональных вопросов фольклористики и истории (хотя уже одно это говорит о его важности), но и, на наш взгляд, некоторых теоретических построений в фольклористике (причины присутствия или отсутствия тех или иных форм устного народного творчества у конкретных народов).

Этот вопрос ставился многими видными собирателями и исследователями былинного эпоса, отвечавшими на него различно. Главными причинами, обусловившими распространение былин на Русском Севере, А. Ф. Гильфердинг считал «свободу и глушь», а также верность «старине и вере в чудесное»¹. Его современник, П. Н. Рыбников, ставил их в зависимость от отсутствия просвещения и обособленности северного края⁵. В. Ф. Миллер придавал очень большое значение поэтической восприимчивости северных крестьян, а также скорморохам, нашедшим там свое последнее убежище⁶.

Данные объяснения вызвали критику уже в конце прошлого столетия: А. М. Лобода указывал, например, что нельзя придавать большого значения отсутствию крепостного гнета на Севере и наделять северноруссов особой, свойственной только им поэтической восприимчивостью⁷. Окончательно эти гипотезы, за исключением идеи о крепостном праве и обособленности северного края, потеряли значение уже в советское время⁸.

Советские исследователи продолжили поиски путей решения этой проблемы. Анализируя причины сохранности былин на Севере, В. Я. Пропп придавал большое значение «специфическим северным условиям труда крестьянства в связи с природными особенностями русского Севера», однако ставил во главу угла причины «общеисторического характера»: наличие или отсутствие крепостного гнета⁹. А. М. Астахова видела основную причину отсутствия былин в средней и южной России в тяжелых условиях труда и жизни крепостных крестьян. Кабальный труд, по ее мнению, не давал крестьянину нужного досуга, возможности культивировать столь трудный и сложный вид народного творчества¹⁰.

Многие ученые неравномерное распространение былин считали отчасти результатом случайности. «Не объясняется ли,— задавался вопросом А. М. Лобода,— преобладание былин в Симбирской и Нижегородской губерниях деятельностью Языковых, Шейна, священника Фаворского, которые поспешили вовремя спасти угасающие остатки былин?»¹¹. Совершенно утвердительно решала его А. М. Астахова, написавшая, что если бы в Сибири была произведена «столь же тщательная собирательская работа, какую провели Рыбников, Гильфердинг, Марков, Григорьев и Ончуков на Севере», она дала бы чрезвычайно богатые материалы¹². Имеются ли основания для подобной постановки вопроса? Безусловно. Но при этом не следует преувеличивать его значение, так как это касается только отдельных районов: в первом случае — Поволжья, во втором — Русского Севера и Сибири. На общую же картину бытования былин элемент случайности оказал лишь незначительное воздействие. Тому есть многочисленные свидетельства. Во-первых, многие исследователи, прежде чем обратить свои взоры к Русскому Северу, пытались собирать былины и в более южных областях; во-вторых, на долю белорусских, украинских и русских несевверных районов приходилось не меньше собирателей, чем на районы европейского Севера¹³.

Обобщающей, но в то же время стоящей несколько особняком работой по этой проблеме является монография С. И. Дмитриевой, в которой она развивает гипотезу В. Ф. Миллера, высказанную им в одной из ранних работ по былинам. Распространение былин данные авторы связывают «только с продвижением новгородцев на Север» (с. 4—6, 41, 93).

В работе С. И. Дмитриевой впервые в русской историографии к изучению былинного эпоса применен историко-географический метод, способствующий более объективному рассмотрению материала.

Однако несмотря на обилие предложенных гипотез, вопрос еще далек от окончательного решения. Не разрешает его, на наш взгляд, и предположение В. Ф. Миллера, поддерживаемое С. И. Дмитриевой.

Последняя из указанных гипотез не может дать ответа на вопрос: почему былины почти не сохранились в самой Новгородской губернии, в колыбели новгородских славян (см. табл. 1)? Кроме того, С. И. Дмитриева привлекает

**Число героических былин, приходящихся на уезд
(по Дмитриевой С. И.)**

Губерния, область	Уезд, округ	Число былин
Петербургская	Новоладожский	1
	Лодейнопольский	2
Олонецкая	Петрозаводский	76
	Повенецкий	24
	Пудожский	90
	Вытегорский	9
	Каргопольский	25
Архангельская	Шенкурский	5
	Архангельский	80
	Онежский	8
	Кемский	22
	Александровский	36
	Пинежский	71
	Мезенский	170
	Печорский	61
	Тотемский	1
Вологодская	Кирилловский	2
Новгородская	Белозерский	1
	Валдайский	1
	Новгородский	1

для выявления районов новгородской колонизации письменные, лингвистические, антропологические и этнографические данные, что, разумеется, правомерно. Однако их региональное несовпадение с былинным ареалом относит на счет разнородности их происхождения и разновременности фиксации, чем сильно ослабляет свою аргументацию. Такой подход С. И. Дмитриевой, ставит под сомнение обоснованность использования приводимых ею примеров.

Так, ареалы жилищ «западного» и «восточного» типов, выделенные М. В. Витовым, и связываемые им соответственно с новгородской и низовской колонизацией, проходят по водоразделу бассейнов Онежского озера и р. Онеги, деля былинный ареал на две равные части (с. 39). Следовательно, приведенный пример не подтверждает гипотезы С. И. Дмитриевой. Или другой пример такого же рода: данные диалектологического обследования русского Севера свидетельствуют о том, что только часть территории с олонецким говором, связанным с новгородской колонизацией, входит в былинный ареал и, наоборот, некоторые территории восточной группы севернорусских говоров, связанные с московским и «ростово-суздальским» заселением края, входят в этот ареал (с. 39, 40). Наконец, ареал термина «шелоник», связываемый многими исследователями с новгородской колонизацией, по словам С. И. Дмитриевой, «почти полностью накладывается на ареал ильменско-беломорского (антропологического — М. В.) типа и ряда этнографических признаков западной зоны» (с. 38—40). Но тогда возникают новые вопросы: как быть с другой частью онежского антропологического типа, связываемого с новгородской колонизацией, и почему не все этнографические признаки «западной» зоны, также соединяемой М. В. Витовым с новгородскими, совпадают с былинным ареалом?

Очень слабое место гипотезы Миллера — Дмитриевой — данные по району нижней Двины — Онеги, который издавна был заселен, как показывают многочисленные исторические, этнографические, антропологические и лингвистические материалы, новгородцами. С. И. Дмитриева связывает малочисленность бытовавших здесь былин, главным образом, с большой ролью промышленности и торговли, что противоречит предыдущему ее высказыванию о слабом влиянии на сохранность эпической традиции даже процессов капитализации (с. 47, 53, 54). Не служит доводом в пользу новгородского происхождения и распространения былин в тех местах Сибири, которые связаны с севернорус-

ской колонизацией, так как территория расселения северноруссов не ограничивается местами новгородского расселения. В такой же степени это относится и к сохранению былин в Приуралье, Поволжье и на Дону (с. 85—87).

Что же могло послужить причиной сохранения былин только на части русского Севера? С. И. Дмитриева пишет: «Можно с уверенностью сказать, что условия, способствующие, по мнению большинства исследователей, сохранению былин, действовали в Вологодской и Пермской губерниях, где не обнаружено былинной традиции, в той же мере и в том же комплексе, что и в районах Архангельской и Олонецкой губерний, богатых эпосом». Но вслед за тем он добавляет, что сравниваемые области различаются некоторым образом по степени развития промыслов (с. 36, 37). На этот факт обращали внимание и другие исследователи, начиная с А. Ф. Гильфердинга, называвшие артельные промыслы с их днями «вынужденного досуга» в числе причин, способствующих сохранению эпоса (с. 24, 32, 36, 37). Но все исследователи отводят подчиненное положение этому признаку. А именно он, на наш взгляд, и является первопричиной. Указанное различие в расстановке акцентов в отношении артельных промыслов и отличает позицию автора данной работы от старого, «классического» подхода.

Однако С. И. Дмитриева приходит к выводу, что «хозяйственные различия не всегда соответствуют различиям культурным» (с. 37). Это положение подкрепляется фактом хорошей сохранности былинной традиции в Онежском крае, где земледелие, по крайней мере с XV в., занимало основное место в хозяйстве крестьян и, наоборот, плохой сохранностью былин на Карельском берегу, где ведущее место в хозяйстве занимали промыслы (с. 32, 37).

Рассматривая ее возражения, следует сказать, что С. И. Дмитриева преуменьшает сохранение былинной традиции на Карельском берегу, так как здесь количество былин находится в соответствии с их числом на других берегах Белого моря (см. табл. 1). Большая же разница в количестве былин по сравнению с Прионежским краем (Петрозаводский, Пудожский уезды) вытекает из очень слабой заселенности морских побережий. А первая часть ее довода, со ссылкой на М. В. Витова, — результат неточной передачи его мысли, так как высказывание лишено здесь контекста.

Говоря о наличии пахотной земли как о решающем условии при устройстве поселений, М. В. Витов указывает и на другие, не менее важные причины. Ими являются пути сообщения и богатые рыболовецкие угодья, так как роль земледелия уменьшается при движении на Север. Земледелие названо решающим в том смысле, что пахотная земля встречалась на севере реже, а значит, и считалась ценнее, чем вышеуказанные признаки. Но земля равноценна им, так как не будь там путей сообщения и рыболовецких угодий, первое условие теряло бы всякий смысл. Именно данный комплекс причин привел к тому, что в Заонежье преобладающим типом поселений был речной и озерный в отличие от водораздельного¹⁴. Этими же самыми причинами (также с «решающей» ролью земледелия) руководствовались при устройстве поселений и в других районах. Так, этот тип поселений преобладал и в районах Кенозера, среднем течении Онеги и Моши, на южном берегу Белого моря, в районах Ваги и ее притоков, Пинеги и Мезени¹⁵, т. е. в районах бытования былин (табл. 1). Иначе и не могло быть в условиях патриархального уклада при слабом развитии экономических связей¹⁶. Так, например, в Подвинье в XVII в. крестьянское хозяйство имело еще положительный хлебный баланс¹⁷. Этим мы снимаем единственное возражение С. И. Дмитриевой, отбросившее в свое время гипотезу о решающей роли промыслов в сохранении былин на севере.

Наиболее близки к решению исследуемого вопроса, на наш взгляд, были В. Я. Пропп и особенно А. М. Астахова. Но и она не сумела освободиться от традиционной идеи о крепостном праве, приводимой многими поколениями фольклористов, указав, что «самые условия труда и жизни крепостного (разрядка моя. — М. В.) крестьянина были неблагоприятны для сохранения эпической традиции»¹⁸. Здесь присутствует в зародыше главная мысль: о необ-

ходимости свободного времени для сохранения эпоса. И уже совсем непонятно, причем здесь «кабальный», «крепостной» труд, тем более что вслед за этим она приводит высказывания самих северных крестьян, записанные А. Ф. Гильфердингом, о том, что «крестьянство», т. е. земледелие, не только не оставляет времени к «сказительству» былин, но и заглушает в памяти то, что прежде помнилось и певалось¹⁹. Ведь именно различие в характере труда лю б о г о земледельца (а не только крепостного) и промысловика и послужило главной причиной сохранения былин на русском Севере. Однако это не снимает полностью вопроса о связи: крепостное право — распространение былинного эпоса. Думаем, что необходимость дополнительной работы на помещика все же ставила крепостного крестьянина в более неблагоприятные условия, чем свободного землевладельца. Но главная взаимосвязь крепостного права и степени распространения былин заключалась, по-видимому, в том, что крепостной труд в отличие от свободного был почти всегда трудом земледельческим.

Для доказательства нашей гипотезы рассмотрим материалы по экономическому районированию севера Европейской части СССР. Оказывается, что в конце XVIII — первой половине XIX в. Олонецкая губерния вместе с Архангельской и Вологодской входила в Северное Поморье, а потом — в Озерный край²⁰. В XVI—XVIII вв. русский Север делился на пять природно-экономических зон: 1) Центральное Поморье (земли вдоль Сухоно-Двинского речного пути из Вологды до Архангельска); 2) Северо-Западное Поморье (Заонежские погосты, Кольский и Каргопольский уезды без Турчасовского стана и территории вокруг оз. Воже); 3) Северо-Восток (Мезенский, Кеврольский, Пустозерский и Яренский уезды, причем последний в 1780 г. разделился на Яренский и Устьысольский уезды); 4) Вятская земля и 5) Восточно-Прикамские районы (Соликамск, Чердынь, возникший в XVII в. Кунгурский уезд и владения Строгановых в бассейне средней Камы и Печоры)²¹.

Земледелие играло преобладающую роль в Вологодском, Тотемском, Устюжском, Сольвычегодском, Важском уездах и Устьянских волостях, а также в Вятской земле, снабжавших хлебом Поморье. Так, в 1725 г. из Вологодской губернии было доставлено в Архангельск около 75 тыс. пудов зерна и муки²². А именно эти регионы и не дают нам былин! В низовьях Северной Двины и Онеги, кроме прочего, специализировались на производстве скота и хлеба, здесь также былины распространены мало.

В остальных районах роль промыслов была неизмеримо выше, а в северной части Поморья они просто главенствовали над земледелием²³. Это положение хорошо иллюстрируется количеством распаханых земель, приходящихся на мужскую душу в последней четверти XVIII в. в Архангельской и Олонецкой губерниях²⁴ (табл. 2).

Таблица убедительно подтверждает нашу гипотезу: уезды с наименьшим количеством распаханых земель дают наибольшее количество былин. Случаи количественного несовпадения былин в районах с приблизительно равными площадями земельных угодий или, наоборот, количественного несовпадения пахотных площадей в районах с приблизительно равным числом былин объясняются разным соотношением других факторов, тоже влияющих на конечный результат. Это говорит о том, что зависимость степени распространения былин от степени развития земледелия проявляется только в виде общей тенденции. Многие из этих дополняющих действительную картину былинных ареалов признаков уже анализировались исследователями²⁵. Ими являются численность русского населения в каждом конкретном районе, характер других занятий и промыслов, история заселения края (раннее или позднее) и т. п., подробный анализ которых не входит в задачи данной работы. Так, Кольский уезд не дает максимального числа былин из-за его малозаселенности и позднего заселения, а на меньшее распространение былинной традиции в Лодейнопольском уезде повлияли, видимо, заселенность его вепсами и специфика хозяйственной направленности края, включая и большую роль отхожих промыслов.

Таблица 2

Количество распаханых земель, приходящихся на мужскую душу в последней четверти XVIII в. (по Колесникову П. А.)

Губерния	Уезд	Количество земли (в десятинах)
Архангельская	Кольский	0,01
	Мезенский	0,5
	Архангельский	0,5
	Холмогорский	0,6
	Онежский	0,7
	Шенкурский	1,2
	Пинежский	1,0
Олонецкая	Каргопольский	2,3
	Пудожский	0,9
	Вытегорский	0,8
	Петрозаводский	0,7
	Повенецкий	0,7
	Олонецкий	0,6
	Лодейнопольский	0,4

Как видно уже из одного приведенного здесь примера, не все промыслы оказывают такое воздействие на распространение былин. При необходимости всегда можно привести примеры, когда количества распаханых земель в некоторых местах русского Севера, например в Каргопольском уезде, и в средней и южной России будут равными, но там мы вообще не встретим былинной традиции. Это также подтверждает гипотезу о том, что степень распространения рассматриваемого вида устного народного творчества в первую очередь определяет именно специфика промысловой деятельности населения русского Севера.

Суммируя все вышесказанное, мы можем говорить, что главной причиной сохранения былин на Севере послужило распространение там некоторых артельных промыслов, главным образом рыболовного и зверобойного, а отчасти и лесного. Показательно в данном случае и более длительное сохранение здесь большеземельных общин. При этом региональные различия в северном эпосе можно связать, как это и сделала С. И. Дмитриева, с историей заселения края (с. 47).

К числу причин, способствующих сохранению эпоса, на наш взгляд, необходимо отнести: наличие большого производственного коллектива, включающего разные возрастные группы и имеющего большую древность (непрерывность традиции), а также наличие свободного времени или работы, не требующей больших физических усилий (вязка и чинка сетей и т. п.), обеспечивающих передачу традиции. Это подтверждается широким распространением, например, у казаков²⁶ былин и песен на былинные сюжеты (с. 100, табл. 1).

Отсутствие какого-либо вышеназванного условия приводит к потере эпоса. Так, на охотничьих промыслах имелось немало свободного времени, но не было крупного коллектива, могущего поддерживать традиции. Другой пример — посиделки. В этом случае большой производственный коллектив налицо, но отсутствуют представители старших возрастных групп, аккумулирующих знание былин. Результат в обоих случаях одинаков — отсутствие былин.

Причиной почти полного отсутствия эпоса в Приильменье (см. табл. 1) является, надо полагать, незначительность масштабов рыбного промысла на оз. Ильмень. Косвенно это подтверждается наблюдением М. В. Витова о том, что открытые берега больших озер были менее удобны для рыбного промысла²⁷. Поэтому они были менее заселены, что, конечно же, отрицательно повлияло на степень сохранности здесь былин. Очень слабая былинная традиция фиксируется на открытых берегах (не изрезанных заливами и устьями рек) Ладожского и Онежского озер и, наоборот, наличием богатых былинных очагов на их закрытых берегах²⁸. И что интересно, две былины, записанные еще в 60-х гг XIX в. (позднее и они исчезли) обнаружены П. В. Киреевским после

долгих поисков на территории современной Новгородской обл., одна в самом Новгороде (расположенном, как известно, около оз. Ильмень), а другая в Осташкове²⁹.

Что касается вклада новгородцев в сохранение эпоса, то можно с уверенностью говорить, что он огромен. Однако наряду с ними былины несли и ростово-суздальские, и московские колонисты. Большой вклад новгородцев в распространение былинного эпоса на севере нужно связывать только с тем, что эта колонизация во многих местах была более ранней, чем ростово-суздальская и особенно московская, и что самое главное — она в большей степени, чем последние, была направлена и на промысловое освоение края.

Таким образом, предположение В. Ф. Миллера, доказываемое С. И. Дмитриевой, о том, что «... известная нам былинная традиция является новгородской интерпретацией русского эпоса» (с. 93), кажется нам излишне категоричным. Мнения других советских исследователей по этому вопросу, В. Я. Проппа и А. М. Астаховой, считавших крепостное право основной причиной, губительно воздействовавшей на сохранение былинного эпоса, являются по нашему мнению, преувеличенными. Чисто историографический интерес представляют теперь объяснения дореволюционными авторами бытования былин, главным образом на русском Севере, отсутствием просвещения, верностью старине, верой в чудесное и поэтической восприимчивостью северных крестьян. Второстепенным на распространение былин оказалось и влияние обособленности Севера с начала XVIII в. Влияние же некоторых артельных промыслов на живучесть эпической традиции, отмечаемое исследователями еще в XIX в., наоборот, было, несомненно, куда более значимым, чем предполагали они. На наш взгляд, сохранению былинной традиции способствовал целый комплекс факторов, главным из которых является специфика хозяйственной деятельности населения русского Севера.

Примечания

¹ См., например: Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XV — начало XVI в.). М., 1946; *его же*. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *его же*. Первые века русской истории. М., 1964; Липец Р. С. Эпос и древняя Русь. М., 1969.

² Астахова А. М. Указ. раб. С. 215—217; Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX — начала XX в.). М., 1975. С. 20, 21. Табл. 1.

³ Миллер В. С. Очерки русской народной словесности. Т. I. М., 1897. С. 66.

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871. Т. I. М.; Л., 1949. С. 34—35.

⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. I. М., 1909. С. XI—CII.

⁶ Миллер В. С. Указ. раб. С. 22—64, 72, 73.

⁷ Лобода А. М. Русский богатырский эпос. Киев, 1896. С. 102.

⁸ См., например: Астахова А. М. Указ. раб. С. 215—232; Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 20—32.

⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 510, 513.

¹⁰ Астахова А. М. Указ. раб. С. 230.

¹¹ Лобода А. М. Указ. раб. С. 90.

¹² Астахова А. М. Указ. раб. С. 217.

¹³ Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 22. (Далее ссылки на эту работу будут даны в тексте).

¹⁴ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 94—95.

¹⁵ Там же. С. 93—94.

¹⁶ Там же. С. 95.

¹⁷ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 301.

¹⁸ Астахова А. М. Указ. раб. С. 230.

¹⁹ Там же.

²⁰ Колесников П. А. Указ. раб. С. 49.

²¹ Там же. С. 51—61.

²² Там же. С. 51—53, 55—57, 60—61.

²³ Там же. С. 57, 59.

²⁴ Там же. С. 276.

²⁵ Астахова А. М. Указ. раб. С. 226—231.

²⁶ А в более раннее время — и в княжеских дружинах.

²⁷ Витов М. В. Указ. раб. С. 94.

²⁸ Дмитриева С. И. Указ. раб. табл. «Места записей былин».

²⁹ Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 41, 600. (Лит. наследство. Т. 79)

© 1990 г.

С. И. Дмитриева

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ РУССКИХ БЫЛИН

(Ответ М. И. Васильеву)

В нескольких словах об основных положениях моей работы «Географическое распространение русских былин». Несмотря на обилие литературы по былинам, пожалуй, ни в одном виде русского поэтического творчества не существует столько спорных проблем, как в вопросе о географическом распространении русского эпоса. Специально этому вопросу была посвящена статья В. Ф. Миллера¹. Отдавая должное этой работе, все же нужно рассматривать ее основную мысль лишь как превосходную гипотезу: и материал, и метод, которыми мог пользоваться этот исследователь, определили недостаточную доказательность высказанных им положений. Ко времени написания В. Ф. Миллером его статьи, важнейшие сборники былин (А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, Н. Е. Ончукова) еще не были опубликованы. Гипотеза же В. Ф. Миллера не была поддержана и развита в соответствии с новыми данными. Большинство фольклористов, в той или иной степени касавшихся интересующего нас предмета, ограничивались самыми общими указаниями на места записей былин и на причины консервации там эпической традиции. Между тем причины и ход распространения былин и позднейшая консервация традиции в определенных местностях — вопросы, хоть и связанные между собой, но все же разные. Общим местом многих работ, посвященных русскому эпосу, стало утверждение, что былины занесены в районы Русского Севера новгородской и московской колонизациями. Однако это мало что объясняет, так как никакой иной русской колонизации на Севере не было, а возникнуть в среде дославянского населения былины с их красочными описаниями киевской и новгородской жизни, само собой разумеется, не могли.

Что касается причин, способствовавших консервации былин на Севере, то обычно принималось объяснение А. Ф. Гильфердинга, писавшего: «Этих причин две, и необходимо их совместное действие. Эти причины — свобода и глушь». Последующими собирателями (А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. К. Ончуков) высказывались соображения о роли транзитной дороги на Архангельск, по которой в допетровское время шла торговля с иностранцами, о роли промыслового хозяйства, для которого характерны длительные периоды вынужденного бездействия и т. д. Все эти обстоятельства, безусловно, способствовали сохранению эпической традиции в известных районах, но они, как будет показано ниже, не могут объяснить распространения там былин.

Единственно надежным методом при изучении географического распространения былин, как и любого явления народной культуры, может быть картографирование. Этот метод и был положен в основу книги «Географическое распространение русских былин». Хронологически работа ограничена второй половиной XIX — началом XX в., т. е. берется период, известный как «классический» в истории собирания былин. Использовались все сборники былин, относящиеся к этому периоду, что дает возможность говорить об единовременности